

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

**ПСИХОИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДА И РОССИИ
В XXI ВЕКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ***

© 2017 г. Ю.В. Ковалева*, В.А. Соснин**

* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН; 129366, Москва, ул.

Ярославская, дом 13, корпус 1; e-mail: julkov@inbox.ru

** Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, там же; e-mail: sosnirus@rambler.ru

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.

Аннотация. Предложено определение нового для социальной психологии понятия «психоисторическая война». Проведен его дифференциальный анализ с более разработанным понятием «информационная война» и обоснована его релевантность изучению макropsихологических проблем общества. Психоисторическая война – комплексное явление, направленное непосредственно на разрушение истории народа и затрагивающее информационный, связанный с искажением исторических фактов, концептуальный, на котором обеспечивается направленное восприятие ложной информации, и метафизический, работающий со смыслами, ценностями, глубинными представлениями и общественной памятью, уровни. Основной мишенью такой войны является исторический субъект, а метацелью – разрушение его национальной идентификации и возможности дальнейшего развития. Приведен исторический обзор феномена русофобии как варианта социально-психологического феномена автофобии, проявляющегося как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, его идейной, практической и стратегической направленности. В качестве

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ № 0159-2016-0008.

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

мишеней психоисторической войны рассмотрены большие социальные группы как коллективные субъекты. Выдвинуто предположение, что исчезновение с исторической и политической арен исторического субъекта не означает его исчезновение как субъекта психологического или коллективного. На примере атаки, которая осуществляется против истории Великой Отечественной войны, показаны как негативные явления, свидетельствующие об актуализации процессов, подрывающих субъектность группы, так позитивный ресурс противостояния российского общества информационному воздействию, в частности, роль акции «Бессмертный полк», ее символическое и репарационное значение, обращение к глубинной народной традиции. В заключении работы обсуждаются другие специфические направления противодействия психоисторической войне и возможные перспективные направления фундаментальных и прикладных исследований.

Ключевые слова: психоисторическая война, информационная война, макропсихология, исторический субъект, большие социальные группы, коллективный субъект, автофобия, субъектность группы, Бессмертный полк, психологическое противодействие.

Психоисторическое противостояние Запада и России, Китая и других стран с коллективистским типом культуры – современная реальность, имеющая свою глубокую историю и, по всей вероятности, перспективу в XXI веке. Этот вопрос может быть рассмотрен с разных точек зрения. Одной из них является *цивилизационный подход*, рассматривающий такое противостояние как стремление цивилизаций к отстаиванию собственных ценностей и представлений о «правильности мироустройства» с целью сохранения себя в качестве субъекта истории, а также реализации актуального или перспективного доминирования в мире. Такова, по мнению многих исследователей, объективная история развития человеческого общества (см. классические работы О. Шпенглера, А. Тойнби и др. авторов).

В качестве средства противостояния исторических субъектов современные историки и обществоведы называют *психоисторическую войну* – систематическую и долгосрочную систему действий по разрушению психосферы оппонента, направленную на подрыв и, в конечном счете, нивелирование его

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

способности к самостоятельному независимому развитию (Touraine, 1977; Фурсов, 2016).

Современная геополитическая ситуация требует дальнейшего осмысления проблематики и приемов психоисторической войны, в частности такого ее направления, как информационно-психологическая война. В настоящей работе предлагается социально-психологический анализ информационно-психологических методов противоборства, изучение которых к настоящему моменту получило достаточное развитие (Соснин, 2014; Караяни, Сыромятников, 2006; и др.), но остается актуальным направлением исследований в рамках *макропсихологического подхода*, в котором подобные социальные процессы относятся к психологии общества в целом (Макропсихология..., 2009; Юревич, 2014; Юревич, Журавлев, 2014; и др.). Так, в качестве объектов исследования могут быть рассмотрены приемы психологического воздействия, используемые западными идеологами для противодействия России, подрывающие основы национальной идентификации, самосознания и психологического благополучия (Психологическое воздействие..., 2011; Проблемы психологической безопасности..., 2012). В рамках макропсихологического подхода мишени и последствия психоисторического противостояния, а также способы противодействия ему, могут быть рассмотрены с позиций психологии больших социальных групп как коллективных субъектов (Журавлев, 2002, 2008; Журавлев, Емельянова, 2009).

Основные концепты психоисторической войны в XXI веке: история и современные представления

Психоисторическая война – новый концепт, имеющий сложную историю и только на первый взгляд имеющий отношение к понятию *психоистория*, введенному американским историком и психологом Ллойдом Демозом (L.

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

DeMause). Демозна основе классического психоанализа создал теорию, объясняющую природу социального и политического поведения лиц и групп в связи с их эмоциональным опытом в детстве (Демоз, 2000). Наиболее известным представителем психоисторического подхода является Э. Эриксон. В дальнейшем термин был подхвачен А. Азимовым и стал использоваться в научно-фантастической литературе (серия романов под общим названием *Основание (Foundation)*). В его понимании психоистория – это дисциплина, направленная, прежде всего, на математический анализ общественного развития и его вероятных изменений, а также поиска ключевых точек воздействия на общество с различными целями. Данная версия понятия *психоистории* вполне близка многим и классическим, и современным научным направлениям, например, марксистской теории или междисциплинарной области исследований, называемая клиодинамикой, занимающейся математическим моделированием социально-исторических процессов (Турчин, 2007).

Понятие *психоисторической войны* в наибольшей степени соотносится с понятием *исторического субъекта* и его возможным противостоянием с другими субъектами в ходе своего развития. Так, по мнению А. Турена, история – это всегда процесс противоборства ее акторов, ставкой которого является контроль над производством обществом самого себя. Исторический процесс выступает как столкновение различных исторических субъектов, олицетворяющих его альтернативные варианты. Такое понимание исторического процесса позволяет ставить острые вопросы, касающиеся исторического идеала и авангарда, навязывание воли одного субъекта другому, проблемы вмешательства в ход развития субъекта (см: Философский словарь, 2007; а также: Историческая психология ..., 2004; Королев и др., 2011).

В настоящей работе понятие *психоисторической войны* рассматривается в трактовке А. Фурсова (Фурсов, 2016), представляющей собой расширенное

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

понимание *информационной войны*, которое является более разработанным (Панарин, 2006; Сигида, 2012). Однако представляется, что использование нового понятия *психоисторической войны* актуально и обосновано с точки зрения его большей релевантности макропсихологической проблематике.

Психоисторическая война – явление комплексное и затрагивает ряд уровней: *информационный*, связанный с искажением исторических фактов; *концептуальный*, на котором происходит интерпретация, обеспечивается направленное восприятие ложной информации; *метафизический*, работающий со смыслами, ценностями, глубинными представлениями и общественной памятью, направленный непосредственно на разрушение истории народа (Фурсов, 2016, с. 142).

Таким образом, основными «мишенями» психоисторической войны являются образование, общественные науки, СМИ, а также другие сферы, существенные для функционирования гражданского общества. Одной из основных форм психоисторической войны является информационно-психологическая война, обеспечивающая, собственно, основные процессы воздействия. К другим, более конкретным и частным формам относится, например, поведенческая война, подрывающая основные поведенческие модели общества, то есть видоизменяющая способы взаимодействия с объектами и, самое главное, информацией.⁴ Необходимо заметить, что в существующей на данный момент литературе рассматриваемые понятия строго не дифференцированы, что понятно в связи со сложными и многоплановыми способами воздействия.

Информационно-психологическая война и, в частности, *психологические операции (ПО)* как ее неотъемлемая составляющая, определяются как

⁴http://rys-strategia.ru/news/olga_chetverikova_khochesh_pobedit_vraga_vospitaj_ego_detej/2016-09-17-1808

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

спланированное использование информационных коммуникаций для оказания воздействия/влияния на эмоции, установки и поведение представителей социальных групп, объектов воздействия, с целью достижения национальных интересов субъекта воздействия. Главными направлениями использования *ПО* являются деморализация, дезориентация и *возникновение конфликта представлений* у представителей объектов воздействия (*социальных групп, государств*) (курсив наш – Ю.К., В.С.) как потенциальных противников (Barnett, 1989, с. 45).

В работе Э. Вальтца «Информационная война: принципы и операции» анализируется концепция информационной войны, ее формы и роль в ней информационных технологий. *Психологические операции* в этой работе определяются как спланированная совокупность целенаправленных действий для трансляции специально отобранной информации и ее признаков с целью влияния на эмоции, мотивы, причинное объяснение событий и, главное, на поведение иностранных правительств, организаций, социальных групп и отдельных индивидов. Целью является управление восприятием (и как следствие – эмоциями, представлениями и поведением) населения стран-объектов психологического воздействия для достижения стратегических целей (Waltz, 1998, с. 209).

В монографии С. Макдональда «Пропаганда и информационные войны в 21-м веке: измененные образы и операции по введению в заблуждение» автор исследует проблему формирования искаженных образов в реализации целей государства в международных отношениях. Особое внимание он уделяет исследованию *психологических операций* и их целенаправленному использованию в СМИ. В этой работе концепт информационно-психологической войны определяется как использование всех средств коммуникации для распространения или подкрепления конкретных идей, представлений,

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

убеждений для реализации политических целей субъекта воздействия (Macdonald, 2007, с. 32-116).

В работе П.Д. Аллена «Планирование психологических операций» исследуется роль *ПО* в обеспечении безопасности и разрешении конфликтов, в проведении военных операций, включая противодействие терроризму, а также исследования технологий их планирования и перспективы информационных конфликтов в 21 веке (Allen, 2007).

В отечественной социологической, политологической и военной науках также проводятся исследования, которые имеют отношение к проблематике психологических технологий. Так, А.В. Бедрицкий в диссертационном исследовании «Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе» провел анализ основных направлений развития концепции информационной войны как средства разрешения международных и межгосударственных конфликтов военно-политическим руководством США. Его представления об информационно-психологической войне практически близки к пониманию этой борьбы западными авторами (Бедрицкий, 2007).

В последние годы с целью дезинформации мирового сообщества, видимого снижения противоборства, например, в военной доктрине США отказались от использования термина *информационная война*, заменив его термином *информационные операции*, что с одной стороны камуфлирует агрессивные намерения, а с другой - точно обозначает способ воздействия (Сигида, 2012).

Но за рамками этих политико-психологических целей остаются скрытыми *духовно-мировоззренческие метациели* этих технологий в противодействии России.

Социально-психологические феномены как результаты информационно-

психологической войны

Рассматривая метацели информационно-психологической войны, среди них необходимо, прежде всего, выделить такую цель, как *разрушение национальной идентификации*, последствия достижения которой очевидны и связаны с ослаблением сопротивления в психоисторическом противоборстве одного из противников. Автофобия или ненависть к самому себе, приязнь или пристрастие к чужому – это социально-психологические феномены, проявляющиеся на личностном и групповом уровнях, и являющиеся результатом внедрения негативных индивидуальных и коллективных образов, в том числе, национальных. Так, среди феноменов, связанных с нарушением национальной идентификации, можно назвать русофобию и космополитизм. *Русофобии* как феномену и инструменту противодействия в информационно-психологической борьбе с Россией посвящено значительное число работ (см.: Фурсов, 2016). Также в политической практике и психологической науке в качестве идейного инструмента Запада в противостоянии России известны идеи *космополитизма* (Соснин, 2015). Наш отечественный мыслитель И. Шафаревич дал глубокий анализ этой проблемы в историческом аспекте. Его работа «Русофобия», вышедшая более десяти лет назад, была вызвана потоком публикаций, враждебных России (Шафаревич, 2005). В последние годы в связи с известными международными событиями ситуация только усугублялась.

Для психологической «расшифровки» этих целей можно обратиться к идеям А.И. Фурсова, который утверждает, что ослабление России, стирание идентичности русских как державообразующего народа с целью установления контроля над ресурсами и пространством – это цель Запада, сформулированная противниками государства еще в XVI веке в католической и протестантской версиях, что является темой отдельного анализа. С 1820-х годов в информационно-психологической войне против России на ведущее место

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

выходит этноисторическая, национально-культурная и государственно-политическая составляющие, то есть на первый план выдвигается именно психоисторическая война Запада против России. Объективно – это разрушение социокультурной идентичности социума-мишени, замена его собственных кодов на ценности субъекта воздействия, что дает, таким образом, возможность управления объектом.

Феномен русофобии отличается специфическая идейная, практическая и стратегическая направленность.

Русофобия как идея – это неприязнь и ненависть к русским как историческому типу, его историческому опыту, его носителям — их идентичности, истории, ценностям, образу мысли, быту.

Русофобия как практика – это комплекс действий (информационных, экономических, политических и др.), имеющих своей целью принижение и подавление русских как психоисторического типа.

Русофобия как стратегия – это стремление установить контроль над русскими людьми как носителями особой этно-исторической державообразующей целостности с последующим уничтожением, стиранием их из истории, растворением в других народах.

Несмотря на то, что оппоненты России маскируют свои цели демократическими ценностями, объективно их действия поддерживают космополитические интересы внутри страны, продвигают русофобские идеи, и вносят ощутимый раскол в российское общество. Собственно, основной задачей информационно-психологического воздействия и являются внутренние изменения в обществе.

Большие социальные группы как мишени психоисторической войны

Информационные войны – средство психоисторической войны,

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

направленной на подрыв исторической субъектности геополитического оппонента. Таким образом, мишенями информационных войн могут являться большие социальные группы, объединенные на основе общности национальных, территориальных, половозрастных, профессиональных, культурных и других признаков. В качестве примера такой войны можно назвать так называемую «холодную войну» и ее промежуточный успех в виде распада в 1991 году СССР, когда прекратила свое существование такая уникальная историческая общность, как «советский народ».

Однако представляется, что исчезновение с политической арены того или иного исторического субъекта не означает его исчезновение как субъекта психологического или коллективного (Журавлев, 2002, 2008; Журавлев, Емельянова, 2009). Этому есть очевидные подтверждения в общественной жизни ряда стран постсоветского пространства, но пока не стало предметом научного анализа. Например, акция «Бессмертный полк», начавшись в 2012 году с частной инициативы в одном из российских городов, почти сразу была подхвачена в СНГ, и, начиная с 2015-16 гг., переросла в общемировое движение, которое на данный момент поддерживает около 60 стран. Общая история бывших соотечественников и совместная борьба многих народов мира против фашизма в середине XX в. явились основой демонстрации их современных намерений, направленных против потери исторической памяти. Акция «Бессмертный полк» позволила продемонстрировать не только коллективную память, эмоции и чувства, но и готовность действовать сообща, а также способность к самоорганизации.

Таким образом, социально-психологический анализ больших социальных групп как коллективных субъектов, являющихся основными мишенями информационных войн, с точки зрения не только их уязвимости, но и ресурса сопротивления различным информационным воздействиям, может выступать

одним из направлений изучения проблематики психоисторической войны.

Проблема воздействия, в том числе информационного, является одной из актуальных проблем современного российского общества в части его информационно-психологической безопасности (Психологические проблемы..., 2012; Психологические исследования проблем, 2013; Психология человека и общества..., 2014). Проблема деструктивных воздействий информации, ее сознательного искажения и конструирования специальных дискурсов остро встает в связи с активной медиацией современной жизни, влияние которой по определению направлено на большие социальные группы (Павлова, Журавлев, 2007; Психология дискурса..., 2016). Исследование конкретных технологий, например, закономерностей психологического воздействия СМИ и тенденций модификации постсобытийного дискурса по отношению исходному новостному поводу на данный момент уже получили свое развитие (Матвеева, 2016; Гребенщикова и др., 2016).

Психологические исследования больших социальных групп открывают возможности анализа уровня их социальной активности, появления новых групповых феноменов, изменений в осознания ими своего места, а также новых функций и ролей в обществе, то есть такой динамики, которая отражает их способность быть субъектами, и, следовательно, влиять на состояния всего общества в целом.

Большим социальным группам может быть приписано качество субъектности на основе *признаков* коллективного субъекта – взаимосвязанности членов группы, их совместной активности и саморефлексивности (Журавлев, 2002). В работах последних лет выделяется также признак, в значительной степени аккумулирующий то, что подразумевается другими признаками, а именно способность к саморазвитию, связанному с внутригрупповыми процессами – осмыслением собственных проблем, потребностей и т.д.

(Журавлев, Емельянова, 2009, с.8). Однако отнесение этого признака к большим социальным группам является отдельной научной проблемой.

Таким образом, *субъектность* больших социальных групп можно рассматривать как ресурс психологического благополучия общества в целом. Активные, саморазвивающиеся большие социальные группы, способные к саморефлексии и рефлексии, то есть осознающие собственную историю, актуальные условия своего существования и активно взаимодействующие с различными проблемными внутригрупповыми процессами, могут являться основой перспективного развития общества (Макропсихология, 2009). Очевидно, что данное теоретическое предположение требует как дальнейшего теоретического анализа, так и эмпирического подтверждения.

Описаны также различные проявления субъектности группы – потенциальная субъектность, субъектность как совместная активность (или реальная субъектность) и субъектность как групповая саморефлексивность (Журавлев, 2002 и др.). Определены факторы, влияющие на уровень субъектности большой социальной группы. К ним относятся: общественно-политический строй, актуальная общественная ситуация, традиции совместных действий, стойкая историческая память, опыт совместной активности и система взглядов, внедряемых в групповое сознание (Журавлев, Емельянова, 2009).

Можно заметить, что в различные исторические эпохи, а также в различных общественно-экономических условиях на первый план могут выходить те или иные факторы, влияющие на субъектность больших социальных групп. При этом характеристика больших групп-мишеней также будут различаться в зависимости от таких обстоятельств.

Так, в начале XX в. на историческом изломе смены общественно-исторических формаций в России в трансформационных процессах оказались задействованы такие большие социальные группы, как классы, при этом

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

основную роль сыграл фактор политического строя страны – монархия, а также глубокие противоречия между правящим классом и классом трудящихся. Межгрупповая разобщенность больших социальных групп, не способных к совместной активности в условиях экономических и военных проблем, сыграла роковую роль в судьбе страны. Не отрицая роль других факторов в том периоде, этот пример приведен с целью иллюстрации именно роли фактора общественно-политического строя.

На настоящем этапе, как уже отмечалось ранее, в связи с бурным развитием интернета, массовой информатизацией, широким доступом к различным СМИ, возможностями компьютерной графики и цифровых технологий на первый план по воздействию на субъектность больших социальных групп выходит фактор внедрения систем взглядов, идей или целостных концепций.

Так называемая «историческая политика», или политизация и идеологизация истории, с конца XX в. становятся глобальной тенденцией и по отношению к России принимает характер особой враждебности (Серегин, 2012). За последние десятилетия оппонентам России удалось распространить значительный объем информации ложного или неоднозначного содержания по самым разным поводам, направленный на разрушение национальной идентичности. Особым нападкам подвергаются сложные или самые значимые моменты отечественной истории. Это, прежде всего, касается Великой Отечественной и Второй мировой войн.⁵ Пересматривается ответственность за начало войны, роль Советского союза в победе над фашизмом⁶, обесценивается вклад лидеров страны и полководцев, высказываются сомнения о правильности тех или иных решений (Османов, 2005; Гареев, 2010, 2014). Например,

⁵<http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=30076>

<http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=30076>

⁶https://ria.ru/radio_brief/20160505/1426858675.html

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

общественному мнению как дискуссионная была преподнесена тема обороны Ленинграда.⁷ Герои обороны Москвы, 28 панфиловцев, и их бой на Волоколамском шоссе на уровне директора Государственного архива были названы мифом.⁸ Освобождение стран Восточной Европы переформулировано на оккупацию и т.д. (Серегин, 2012). Таким образом, история Великой Отечественной войны стала «лакмусовой бумажкой многих современных политических процессов», точкой идеологического и политического противостояния (Чубарьян, 2016, с. 387-388).

Существуют основания считать, что работа по созданию альтернативной истории Второй мировой войны была начата сразу после ее окончания в рамках «плана Маршала» и велась с целью обелить немецкую армию, взять реванш за поражение, а по сути обеспечить экономические и политические дивиденды заказчика, в данном случае США. Это объясняет то, с какой легкостью и с чьей поддержкой вошли в международное общественное сознание такие мифы, как «генерал Мороз», «бездарные советские генералы», «забросали немецкие окопы трупами своих солдат», «не жалели мирное население», созданные именно в этом проекте (Серегин, 2012).

Таким образом, можно увидеть, что построение историко-политического дискурса такого рода укладывается в формулу «кто владеет прошлым, владеет будущим». Атака на историю России осуществляется в рамках психоисторической войны с целью ослабления страны в политическом и экономическом развитии и конкуренции.

⁷http://www.wikireality.ru/wiki/%d0%9e%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%81_%d0%bd%d0%b0_%d0%94%d0%be%d0%b6%d0%b4%d0%b5_%d0%be_%d0%b1%d0%bb%d0%be%d0%ba%d0%b0%d0%b4%d0%b5_%d0%9b%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d1%80%d0%b0%d0%b4%d0%b0

⁸<https://www.nur.kz/785170-v-rossii-nazvali-mifom-podvig-28-panfilo.html>

Все примеры информационных воздействий, описанные выше, так или иначе, влияли на состояние российского общества. Дискуссии, споры, высказывания отдельных лиц демонстрировали раскол мнений, резкость суждений, обиду одной из сторон, обвинения, апелляцию к морально-нравственным качествам и другие эмоционально острые состояния. Типичным итогом столкновения мнений по таким значимым вопросам, как правило, являются поляризация мнений и разделение первоначальной целостной группы на «мы» и «они» или на «своих» и «чужих» (Соснин и др., 2011; и др.).

С позиций психологии больших социальных групп как коллективных субъектов можно сказать, что таким образом актуализируются процессы, подрывающие субъектность группы.

Во-первых, совместная активность и взаимодействие приобретают негативный характер, т.е. по факту являются конфликтом, который дифференцирует группу, разрывая взаимные связи и взаимозависимость членов группы, разрушая ее целостность как коллективного субъекта.

Во-вторых, саморефлексивность группы, так или иначе, фиксирует эти процессы, что приводит к осознанию разрыва и разобщенности. Потеря чувства «мы», соотносимая с потерей значимого объекта, логично должна приводить к негативным эмоциональным состояниям, актуализации таких коллективных негативных чувств, как тревога и страх (Емельянова, 2016). Таким образом, разрыв связи между прошлым-настоящим и будущим, с которым сталкивается группа, делает невозможным реализацию саморазвития, что фактически свидетельствует о потере субъектности.

Однако подобное моделирование ухватывает лишь негативную сторону процесса, не учитывая позитивный ресурс, существующий в обществе, в том числе активацию защитных процессов, коупингов, направленных как на преодоление разрыва реальных отношений и связей между людьми, так и на

сглаживание коллективных когнитивных противоречий и ментальных «пустот» (Емельянова, 2016).

Информационное воздействие на российское общество как целостный коллективный субъект в отношении событий Великой Отечественной войны породило очень разные негативные и позитивные процессы. К негативным процессам относятся, прежде всего, рост уровня нетерпимости к мнению оппонентов, ксенофобия. Это, например, проявилось в агрессивном стиле проведения дискуссий в СМИ, в частности, на телевидении, ставшим общепринятым на большинстве каналов, и, несомненно, являющимся не только средством привлечения внимания аудитории. Вероятно, он также отражает внутреннее состояние дискутантов – выразителей того или иного общественного мнения, и, возможно, является средством канализации общественного напряжения.

С другой стороны, в обществе стали ярко проявляться различные явления, несущие символический смысл, и, по-видимому, направленные на восстановление национальной идентичности. Среди них можно назвать такой наиболее яркий жест, как ношение георгиевской ленточки, первоначально сопровождавший празднование Дня победы, но впоследствии фактически приобретший смысл идентификационного знака. Особый сакральный смысл ленточки подтверждает то, что и она довольно скоро стала объектом дискредитации.⁹

Однако наиболее ярким примером активизации репарационных внутригрупповых процессов остается описанная выше акция «Бессмертный полк», обеспеченная «феноменальным распространением гражданской

⁹https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0

инициативы» (Нисова, 2015, с. 192).

По данным социологических опросов (Мониторинг общественного мнения..., 2015) большинство респондентов (83%) считает необходимым вести борьбу с фальсификацией отечественной истории, при этом 54% замечали факты фальсификации истории, а 19% называют главным объектом фальсификации события Великой отечественной войны. Конкретно об акции «Бессмертный полк» слышали 93% респондентов, 13% приняли в ней личное участие, 73% отметили, что она способствует сохранению памяти об этом событии, 60% опрошенных заявили, что имеют в планах участие в этом движении.

Представляется, что на данный момент подобная акция стала уникальным явлением в современной истории страны, которое еще предстоит осмыслить с самых разных научных позиций. Однако уже сейчас в публикациях отмечаются такие моменты, которые могут иметь отношение к динамике субъектности российского общества как большой социальной группы. Отмечается, что это движение связано с процессами утраты социальной идентичности (чувства «мы») и ее конструированием на новых основаниях, дефицитом способов демонстрации принадлежности к референтной группе и актуализации глубинных народных способов самовыражения, преодоления разрыва и восстановления связи поколений (исторической памяти, саморефлексии). Отмечается потребность народа в условиях глобализации и размывании символических кодов в визуализации и подкреплении собственной идентичности, привлечении народных традиций, использовании народных архетипов, что, по всей видимости, реализуется в таком праздновании Дня победы (Крапчунов, 2013; Воловикова, 2016).

Противодействие России психоисторическому оружию Запада в современных условиях: медийные, концептуальные и социально-

психологические аспекты

Социально-психологический анализ, представленный в настоящей работе показал, что общество, в частности, российское, может обладать собственным ресурсом противодействия информационной войне, который проявляется в различных групповых психологических процессах, направленных на защиту большой социальной группой собственной субъектности. В связи с этим могут быть поставлены следующие *перспективные вопросы*. Каков ресурс субъектности общества, в данном случае российского, в целом, и той или иной социальной группы, его составляющей, в частности? Какая социальная группа может являться ведущей при реализации сопротивления информационному воздействию? Какой признак субъектности наиболее подвержен тому или иному информационному влиянию? Какие способы противодействия специфичны и для групп, и для групповых свойств, составляющих ее субъектность? И другие вопросы.

Однако научное изучение проблемы должно сочетаться и взаимодополняться другими специальными способами противостояния русофобии и космополитизму как психоисторическому оружию Запада как внутри страны, так и за её пределами. Борьба должна вестись на всех уровнях психоисторической войны, с учётом всех её аспектов: информационном, юридическом; медийном; концептуальном; образовательном уровнях (Фурсов, 2016, с. 147).

Конкретные меры борьбы рискуют остаться полумерами без реализации ряда общих дел. Так, суверенитет государства не может быть полноценным только с учетом внешнеполитической составляющей, суверенитет в экономической, научной и, самое главное, в образовательной сфере – это необходимые условия обеспечения реального суверенитета и противодействия психоисторическому оружию Запада. Крайне важно создание концепции

идеологической политики государства и его национальной идеи, которая по-настоящему сплотила бы наш многонациональный российский народ (Журавлев, Юревич, 2016; Юревич, 2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедрицкий А.В.* Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: Дисс. ...канд. политич. наук, 2007.
- Воловикова М.И.* Психология масс в контексте праздничной культуры [Электронный ресурс] / Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 111-121. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document252.pdf> (дата обращения: 29.11.2016).
- Гареев М.А.* Великая победа и современные интересы международной безопасности // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 30-34.
- Гареев М.А.* Священный долг нашей памяти // Национальные интересы. 2010. 30 (7). С. 2-6.
- Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д., Афиногенова В.А.* Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под. ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 201-219.
- Емельянова Т.П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп [Электронный ресурс] / Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения:

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

16.10.2016).

Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕН СЭ, 2002. С. 51-81.

Журавлев А.Л. Большие социальные группы как субъекты: возможности исследования // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 312-315.

Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Том 30. № 3. С. 5-15.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 69-78.

Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МосГУ, 2004.

Караяни А.Г., Сыромятников И. В. Психологические операции противника и организация противодействия им., СПб: Питер, 2006.

Королев А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

Кранчунов Д.Е. Визуальная составляющая народных традиций как средство преодоления кризиса идентичности в современной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 249-254.

Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Матвеева Л.В. Субъект в информационной коммуникации: закономерности психологического воздействия СМИ // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под. ред. А.Л. Журавлева, Н.Д.

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
С. 131-142.

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.
2015. № 3 (127).

Нисова М.В. Аудитория гражданской инициативы «Бессмертный полк» // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 191-192.

Османов А.И. Об уроках и правде истории Великой Отечественной войны // Вестник Института ИАЭ. 2005. №2. С. 2-16.

Павлова Н.Д., Журавлев А.Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6-11.

Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М., 2006.

Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2011.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психология дискурса: проблема детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Психология человека и общества: научно-практические исследования. М.: Изд-

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

во «Институт психологии РАН», 2014.

Серегин А.В. Противостоять нашествию забвения // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 57-64.

Соснин В.А. Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журнал. 2009.Т. 30. № 4. С. 102-105.

Соснин В.А. Духовно-нравственное противодействие терроризму в современном мире: роль психологических операций // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 331-346.

Соснин В.А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: проблема космополитизма и будущее развитие России // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 42-56.

Соснин В.А., Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Отечество», 2011. С. 158-163.

Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: УРСС, 2007.

Фурсов А. И. Русофобия – психоисторическое оружие Запада // Наш современник. 2016. № 1. С. 141-148.

Чубарьян А.О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской Академии наук. 2016. Том 86. № 5. С. 387-395.

Шафаревич И. Р. Русофобия. М.: Издательский дом «Эксмо», 2005.

Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

психологии РАН», 2014.

Юревич А.В. Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов [Электронный ресурс] / Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 83-110. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document254.pdf> (дата обращения: 29.11.2016).

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России вы 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 92-100.

Allen P.D. Information Operation Planning. London: Artech House, 2007.

Barnett F.R. Political warfare and psychological operations. Washington: National Defense University and National Strategy Information Center. 1989.

Macdonald S. Propaganda and Information Warfare in The Twenty-First Century: Altered images and Deception operations. London, N.Y.: Rontlegde, 2007.

Waltz E. Information Warfare: Principles and Operations. Boston, London: ArtechHouse, 1998.

**PSYCHOHISTORICAL OPPOSITION OF THE WEST AND RUSSIA
IN THE XXI AGE: SOCIOCULTURAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL
DETERMINANTS****

Y.V. Kovaleva*, V.A. Sosnin**

** This research was fulfilled in accordance with the Federal Agency for Scientific Organizations' State assignment № 0159-2016-0008.

Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты

Ю.В. Ковалева, В.А. Соснин

* PhD, senior research officer, Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS; 13/1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: julkov@inbox.ru

** PhD, leading researcher, the same place; e-mail: sosnirus@rambler.ru

Abstract. The definition of the concept "psychohistorical war", the new one in the social psychology, was offered. The differential analysis of this concept with more developed concept "information war" was carried out and its relevance to studying of the macropsychological problems of society was proved. The psychohistorical war is the complex phenomenon consists of the information level, connected with distortion of historic facts, as well as the conceptual level on which the directed perception of false information is being provided, and the metaphysical level, on which the work with meanings, values, deep representations and public memory is being executed. The main target of the such war is an historical Subject and the metapurpose – the destruction of his national identification and the possibility of his further development. The historical review, the ideological, practical and strategic orientation of the phenomenon of the russophobia like one of the autophobia faces was provided. The autophobia as socio-psychological phenomenon is manifesting both on the individual and on the group levels. The large social groups as collective subjects were considered as the targets of the psychohistorical war. The assumption was that disappearance from historical and political arenas of the historical Subject does not mean his disappearance as the psychological Subject or the collective Subject. On the example of the attack against The Great Patriotic War history the processes of the undermining of the group's subjectivity as well as the positive resource of the Russian society's opposition to the information influence – the "Immortal Regiment" action role, its symbolical and reparation values, its appeals to the deep national tradition, were shown. In the conclusion, the other directions of counteraction of the psychohistorical war and the possible perspective researches directions were discussed.

Keywords: psychohistorical war, information war, macropsychology, historical Subject, large social groups, collective Subject, autophobia, group's subjectivity, "Immortal Regiment", psychological opposition.